Д. А. АЛЕКСЕЕВ

ИМЕННЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ В МОНГОЛЬСКИХ ЯЗЫКАХ

В настоящей статье мы остановимся на некоторых дискуссионных вопросах классификации именных частей речи в монгольских языках¹. В истории русского монголоведения, начиная еще с казанского периода, по вопросу о классификации частей речи не было достигнуто полного единства. Так, проф. О. Ковалевский находил в монгольском языке столько же частей речи, сколько и в русском, а его современник Алексей Бобровников установил совершенно иную классификацию; он различал только три части речи: имя, глагол и частицы, выделив внутри имени имя предметное, имя качественное и имя относительное. Классификация А. Бобровникова не подвергалась пересмотру и удерживается до сих пор в работах отдельных монголистов. Правда, в начале XX в. А. Руднев, вместо имени предметного и качественного, говорил о существительном и прилагательном². Точно так же В. Котвич в работе «Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка» писал о существительном и прилагательном³. Но так как высказывания этих авторов не были подтверждены фактами языка и сводились к простой замене терминов, они по существу не вносили ничего нового в классификацию А. Бобровникова. Сам А. Бобровников давал следующую мотивировку своего отказа от названий «существительное» и «прилагательное»: «Мы не приняли терминов: *имена существительные и прилагательные* потому, что этими терминами, с одной стороны, уже более чем нужно было бы разделены имена предметные от качественных; с другой стороны, имена качественные смешались бы с именами относительными, так как и сии последние также переводятся на русском языке именами прилагательными и вместе существительными...»⁴

Из этого видно, что А. Бобровников не говорит о существительном и прилагательном только потому, что из общей категории имен он выделил так называемое «относительное имя», которое совпадает в функции определения с прилагательным. Заметим, что относительное имя, т. е. имя производное от именных же основ, вовсе не указывает на специфику монгольского языка, ибо оно характерно для многих других языков, а потому выделение его А. Бобровниковым было излишним⁵.

¹ См.: Г. Д. Саижев, Некоторые вопросы бурят-монгольского языкознания в свете трудов И. В. Сталина, «Записки Бур.-монг. науч.-исслед. ин-та культуры», XI, Улан-Удэ, 1951; его же, К проблеме частей речи в алтайских языках, ВЯ, 1952, № 6.

² См. А. Д. Руднев, Лекции по грамматике монгольского письменного языка, чит. в 1903—1904 акад. году, вып. 1, СПб., 1905.

³ См. В. Л. Котвич, Опыт грамматики калмыцкого разговорного языка, Пг., 1915.

⁴ А. Бобровников, Грамматика монгольско-калмыцкого языка, Казань, 1849, стр. 54—55.

⁵ Проф. Г. Д. Саижев в своих работах (см. выше) использует для некоторых категорий слов термин А. Бобровникова — «имена предметные» и «имена качествен-

При разрешении вопроса о классификации основных именных частей речи в монгольских языках мы должны исходить из учения о словарном составе и о грамматическом строе языка, так как вопрос о частях речи неразрывно связан с ними.

Части речи представляют собой не простые лексические группы слов, имеющие то или иное конкретное значение, а обобщенные лексико-грамматические разряды слов, обладающие определенными, присущими им грамматическими категориями.

Части речи как лексико-грамматические разряды слов обладают формальными показателями лексического и грамматического значения, т. е. слова не только имеют значение предметности, количества, качества, действия, но и несут определенные функции в составе предложения — подлежащего, определения, дополнения, сказуемого. Формально-грамматическое разграничение слов по частям речи не исключает их функционального совпадения в различных синтаксических конструкциях¹.

Части речи во многих языках не бывают одинаковыми, как и их грамматические категории, что объясняется спецификой грамматического строя того или иного языка в целом, различной степенью абстрагированности грамматических категорий и т. п. Классификация именных частей речи в монгольских, а также и в тюркских языках встречала и встречает известные трудности, в процессе преодоления которых возникают противоречивые мнения, объясняемые отчасти относительно слабой дифференциацией некоторых частей речи, а отчасти — различным подходом ученых к этому вопросу.

Работа Г. Д. Санжеева «К проблеме частей речи в алтайских языках», как нам кажется, несмотря на ряд тонких и правильных наблюдений, все же не решает вопроса, а в некоторых случаях даже углубляет спорные стороны. Она представляет собою развитие основных положений другой, ранее опубликованной им статьи, в которой он писал: «Возможно, что с методической точки зрения удобнее пользоваться терминами имена „существительные“ и „прилагательные“, поскольку в наших школах одновременно ведется преподавание и русского языка. Однако, с теоретической точки зрения, мы должны различать четыре части речи, но не две, а именно: 1. Имена существительные — это слова типа *нэрэ* „имя“², *хурээ* „лопата“... *дэгэл* „шуба“ и т. п., которые в предложении не могут быть определениями в форме своей основы; 2. Имена предметные — это слова типа *модон* „дерево“, *тумэр* „железо“, *шулуун* „камень“ и т. п., которые в предложении могут быть определениями и в форме своей основы, а в переводе на русский язык передаваться и прилагательными; в школьной грамматике эти имена могут быть включаемы в разряд существительных, но учителя различие между этими частями речи должны представлять ясно; 3. Имена прилагательные — это слова типа *уулархаг* „гористый“, *модото* „лесистый“, *национальна* „национальный“, *педагогическа* „педагогический“ и т. п., которые в предложении могут быть только определениями имен, но не глаголов; 4. Имена качественные — это слова типа *хайн* „хороший“, *муу* „плохой“, *хурдан* „быстрый“, *ундэр* „высокий“,

ные», но рассматривает, однако, эти имена как части речи, имеющиеся в языке наряду с именами существительными и прилагательными.

¹ «... каждое слово... рассматривается в системе двух координат — семантики (слово в словарном составе) и функции данного слова в предложении (слово в грамматическом строе)» (Н. А. Баскаков, Каракалпакский язык, II — Фонетика и морфология, ч. I, М., 1952, стр. 155).

² У Г. Д. Санжеева бурятские слова во всех примерах даны без перевода на русский язык.

удаан „медленный“ и т. п., которые в предложении могут быть не только определениями имен (*хурдан морин* „быстрая лошадь“), но и глаголов (*хурдан ябана* „быстро идет“); в школьной грамматике эти имена могут быть включены в разряд имен прилагательных¹.

В этой работе, а также в последней своей статье «К проблеме частей речи в алтайских языках», нам кажется, Г. Д. Санжеев подходит к проблеме классификации частей речи односторонне, положив в основу только синтаксический принцип — определительную функцию слова, т. е. исходит лишь из того, в какой форме выступает то или иное слово в качестве определения — в форме ли основы, или в форме родительного, совместного падежей, и в зависимости от этого он относит слова к той или иной именной части речи.

С нашей точки зрения, при классификации частей речи следует учитывать совокупность всех признаков и прежде всего придерживаться того из них, который является ведущим, наиболее характерным для данной части речи. Следовательно, при определении частей речи мы должны опираться на наиболее типизированные разряды слов и в меньшей степени обращать внимание на различия отдельных категорий слов, благодаря которым эти слова можно иногда относить к этой, а иногда к другой части речи.

Л. В. Щерба в своей известной работе «О частях речи в русском языке» писал: «...он (ученый. — Д. А.) должен разыскивать, какая классификация особенно настойчиво навязывается самой языковой системой ...какие о б щ и е к а т е г о р и и различаются в данной языковой системе»². Акад. А. А. Шахматов в «Синтаксисе русского языка», кроме морфологических признаков различения частей речи, выдвигал и семасиологические. Акад. В. В. Виноградов, не возражая против выдвинутых А. А. Шахматовым оснований, замечает: «Пусть эти семасиологические основания для различения частей речи самим А. А. Шахматовым истолковываются в неприемлемом для советского языкознания психологическом плане, но такие основания существуют»³. Проф. Е. М. Галкина-Федорук пишет: «В языке нет аморфных структурных единиц, почему нельзя смешать наречие ни с именем прилагательным, ни с категорией состояния или безлично-предикативными членами, так как у каждой категории свои морфологические приметы, своя синтаксическая функция, хотя внешне, взятые в отдельности, эти слова и сходны»⁴. Как видно, русские лингвисты в классификации частей речи придерживаются трех основных признаков: морфологического, синтаксического, лексико-семантического.

Заметим, что в последнее время выдвигаются четыре признака при классификации частей речи: «При выделении и классификации частей речи следует опираться на сумму определенных признаков: 1) на обобщенное семантико-грамматическое значение слова; 2) на систему его форм с соответствующим кругом категорий; 3) на систему словообразовательных средств данного разряда слов; 4) на синтаксические функции слов»⁵. Исходя из этих принципов, можно попытаться решить вопросы классификации именных частей речи в монгольских языках.

¹ Г. Д. Санжеев, Некоторые вопросы..., стр. 104—105.

² См. сб. «Русская речь», Новая серия, II, Л., 1928, стр. 6.

³ В. В. Виноградов, Учение академика А. А. Шахматова о грамматических формах слов и о частях речи в современном русском языке, «Доклады и сообщения [Ин-та языкознания АН СССР]», I, М., 1952, стр. 47.

⁴ Е. М. Галкина-Федорук, Безличные предложения с безлично-предикативными словами на «о», «Ученые записки [МГУ]», вып. 128, 1948, стр. 72.

⁵ «Вопросы составления описательных грамматик [коллективная статья]», ВЯ, 1953, № 4, стр. 13.

ВОПРОС О ПРЕДМЕТНЫХ ИМЕНАХ И СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

Предметные имена

В интерпретации Г. Д. Санжеева так называемые предметные имена представляют собою имена, отличающиеся следующими особенностями:

1. Предметные имена вступают в определительные сочетания в форме своей основы в порядке примыкания, например: *алтан оройдоһон* «золотое кольцо» (буквально: «золото кольцо»), *модон хурзэ* «деревянная лопата» (буквально: «дерево лопата»).

2. Предметные имена отличаются от имен существительных и прилагательных возможностью двойного употребления. «Если имена существительные выступают только субстантивно, а прилагательные — только атрибутивно, то предметные имена в алтайских языках, попадая в словосочетания и предложения, могут выступать как субстантивно, так и атрибутивно без какого бы то ни было оформления...»¹.

3. К предметным именам относятся слова преимущественно вещественного характера типа *модон* «дерево», *алтан* «золото», *тумэр* «железо» и т. п., которые обозначают материал предметов: *модон хурзэ* «деревянная лопата», *тумэр тармуур* «железные грабли», *алтан аяга* «золотая чашка» и т. п.

4. Предметные имена обладают свойством выступать в качестве определения не только в форме основы, но и в форме родительного падежа. Если эти имена обозначают «...предмет, частью которого является или к которому имеет какое-либо отношение предмет-определяемое, то они соответственно оформляются при помощи родительного падежа или второго типа изафета, например: бур. *модонхой орой* «верхушка дерева»... монг. *алтны дархан* «золотых дел мастер»... *тэмрийн завод* «железоделательный завод...»².

На основании указанных четырех признаков Г. Д. Санжеев считает необходимым выделить «предметные имена» как особую часть речи, отличную от имен существительных. Нам кажется, что предложенный принцип выделения предметных имен страдает существенными недостатками, а именно:

1. Одной из особенностей «предметных имен» Г. Д. Санжеев считает то, что они вступают в определительные сочетания в форме своей основы в порядке примыкания, например: *алтан оройдоһон* «золотое кольцо» (буквально: «золото кольцо»), *модон хурзэ* «деревянная лопата» (буквально: «дерево лопата») и т. п.

Из этого положения вытекает, во-первых, что имена существительные не могут в форме своей основы выступать в качестве определения в определительных словосочетаниях; во-вторых, что от «предметных имен» невозможно посредством специальных суффиксов образовать прилагательные; в-третьих, что если одно «предметное имя» выступает в функции определения другого «предметного имени» в порядке примыкания, то от этого оно якобы не претерпевает никаких изменений в своем значении. Так ли это в действительности?

Если «предметные имена», не изменяя своей основы, могут быть определениями других имен, то в равной мере и имена существительные в форме основы могут вступать в определительные словосочетания, например: *һальхин* «ветер» — *һальхин тээрмэ* «ветряная мельница»; *мульһэн* «лед» — *мульһэн далай* «ледовитое море»; *хорон* «яд» — *хорон угэ* «ядовитое слово»

¹ Г. Д. Санжеев, К проблеме частей речи в алтайских языках, стр. 89.

² Там же, стр. 90.

и т. д. Как видно, так называемые предметные имена в определительном словосочетании ничем не отличаются от имен существительных.

От предметных имен так же, как и от имен существительных, образуются посредством специальных суффиксов многочисленные прилагательные, например, от таких «предметных имен», как *саһан* «снег», *алтан* «золото», *ноохон* «шерсть» и т. п., образуются прилагательные: *саһархуу үбэл* «снежная зима», *саһатай газар* «место, обильное снегом»; *алтархуу* «золотистый», *алтарма* «золотистый» (о солнце), *алталмал* «позолоченный»; *нооһолиг* «шерстистый» и т. п. Так же образуются прилагательные и от существительных, например: *туухэ* «история» — *туухэтэ* «исторический», *туяа* «лучи» — *туяатама наран* «лучезарное солнце»; *үгэ* «слово» — *уран үгэтэ* «красноречивый» и т. д. Таким образом, между «предметными именами» и существительными нет различия и в отношении словообразования.

Неправ Г. Д. Санжеев и в том, что «предметные имена», выступая в качестве определения, якобы не претерпевают никаких изменений в значении. Однако в монгольских и тюркских языках порядок слов имеет грамматическое значение. Слово, употребленное в качестве определения, изменяет свои функции, оно теряет склонение, образует с определяемым словосочетание, не допускающее между определяющим и определяемым «вклинивания» других слов. При этом изменяется и само лексическое значение слова; ср., например: *модон гэр* и *гэр модон*; *модон гэр* воспринимается любым носителем монгольских языков как «деревянный дом», *гэр модон* — «дом построен из дерева» или «дом из дерева», в то время как в русском языке можно сказать *дом деревянный* или *деревянный дом*; в том и другом случае слово *деревянный* остается прилагательным. При использовании «предметных имен» в качестве определения меняется и характер вопроса. Если слова *модон* «дерево», *шулуун* «камень», *тумэр* «железо», обозначая предметы, отвечают на вопрос *юун* «что?», то, будучи определениями, они требуют вопроса *ямар* «какой?».

2. Утверждение Г. Д. Санжеева, что предметные имена отличаются от имен существительных и прилагательных возможностью двойного (и субстантивного, и атрибутивного) употребления, не может быть признано правильным потому, что имена существительные употребляются так же, как и «предметные имена», не только субстантивно, но и атрибутивно без какого бы то ни было оформления, например: *шог* «шутка, шалость» — *шог үгэ* «шутливое слово», *шог ульгэр* «анекдот, юмористический рассказ»; *шоно* «волк» — *шоно даха* «волчья шуба» (буквально: «доха»); *нэрэ* «имя» — *нэрэ тэмдэг* «обозначение, термин» и т. д. Что же касается прилагательных, то они, как известно, выступают не только атрибутивно, но и предикативно¹, например: *тэрэ газар модорхуу* «та местность богата лесом (лесиста)»; *минии нухэр ууртай* «мой друг сердит (сердитый)»; *манай колхоз орденто* «наш колхоз орденоносный» и т. д. В этих предложениях прилагательные *модорхуу*, *ууртай*, *орденто* являются сказуемыми.

В связи с этим вопросом Г. Д. Санжеев делает следующую, на наш взгляд, необудительную оговорку. Он пишет: «При переводе на монгольский язык русских относительных прилагательных необходимо либо поставить соответствующие монгольские существительные в форме родительного или совместного падежа, либо образовать от них прилагательные при помощи особых формантов...»²

Но в данном случае нет необходимости начинать с перевода русских относительных прилагательных на монгольский язык. Можно просто ука-

¹ Мы не касаемся здесь вопросов субстантивации и обстоятельственных функций прилагательных.

² Г. Д. Санжеев, К проблеме частей речи в алтайских языках, стр. 86.

зать, что монгольские существительные, как, например, *хувьсгал* «революция», *эвлэл* «союз», *угаан* «разум» и т. п., превращаются в относительные прилагательные посредством специальных суффиксов. Аналогично и имена прилагательные могут субстантивироваться при помощи частиц личного притяжания, например: *тэрээнэй найрхуунь гайхалтай* «хвостовство его удивительно». Таким образом, второй признак «предметного имени» оказывается также нехарактерным и свойствен как именам существительным, так и именам прилагательным.

3. Г. Д. Санжеев утверждает, что в разряд «предметных имен» входят слова преимущественно вещественного содержания, обозначающие предметы, служащие «материальной основой в создании других предметов»; например: *модон хурээ* «деревянная лопата», *түмэр тармуур* «железные грабли», *алтан аяга* «золотая чашка» и т. п.

В этом определении уже слово «преимущественно» говорит о том, что здесь нет ясного критерия в определении «предметного» имени. Остается неизвестным, какие же слова входят в предметные имена, кроме слов, обозначающих предметы, являющиеся материальной основой в создании других предметов, или слов вещественного содержания. Почему не учитываются, например, такие слова, как *хальхин* «ветер», *сахилгаан* «электричество», *агаар* «воздух» и т. п., которые также служат основой для аналогичных образований: *хальхин тээрмэ* «ветряная мельница», *сахилгаан хусэн* «электрическая энергия», *сахилгаан гэрэл* «электрический свет», *хашгэсан агаар* «сжатый воздух», *агаарын даралта* «воздушное давление» и т. п.

4. Наконец, Г. Д. Санжеев утверждает, что «предметным именам» свойственно выступать в качестве определения не только в форме основы, но и в форме родительного падежа. Однако употребление в определительной функции в форме родительного падежа вовсе не является характерным признаком предметных имен, так как все имена существительные могут также функционировать в качестве определения в форме родительного же падежа, например: *колхозой морид* «лошади колхоза» или «колхозные лошади»; *нутагай хүн* «местный житель» или «житель данного места»; *хурзын эшэ* «рукоятка лопаты». Чем же эти существительные отличаются от предметных имен, которые приводит в своей статье Г. Д. Санжеев, например: *модон ой* «верхушка дерева», *түмэрэй баахан* «шлак», *төмрийн завод* «металлургический завод»? Ничем. В данном случае (а примеры можно умножить) не обнаруживаются ни формально-морфологические, ни функционально-синтаксические признаки. Здесь Г. Д. Санжеев не учитывает одно важное обстоятельство. Дело в том, что имена в монгольских языках, будь они существительные или предметные (по терминологии Г. Д. Санжеева), выступают в форме родительного падежа в двух значениях, выражая в одном случае идею принадлежности, в другом — идею качества, что можно показать на некоторых примерах: *бур. мориной нуул тайрааб* «я отрезал хвост коня», *мориной мяха эдэб* «свел конское мясо», *түмэрэй элтэрхэй олооб* «нашел осколок железа», *түмэрэй завод бариба* «построили металлургический завод». В первом предложении родительный падеж выражает принадлежность, в то время как во втором предложении словом *мориной* (род. падеж) выражается уже не принадлежность, а признак предмета. Так же и во второй паре предложений: в первом случае слово *түмэрэй* означает какую-то частицу железа, а в другом — показывает качество, признак завода. Следовательно, в таких случаях необходимо учитывать не только формально-грамматические показатели, но и лексическое значение слова.

Е. М. Галкина-Федорук совершенно правильно утверждает, что «соединение определяемого с определением зависит от лексического значе-

ния определяемого. *Степь* может быть только *широкая, далекая, вольная*, но *хлеб* только *белый, черный, вкусный*. Лексическое значение в слове — важный фактор в грамматике, но сущность грамматических значений иная, как совершенно иная и их функция»¹.

Имена существительные

Определение имени существительного как части речи, данное Г. Д. Санжеевым, нуждается в некотором пояснении. Под именами существительными Г. Д. Санжеев подразумевает имена, не подводимые под первый тип изафета, т. е. исключющие определятельные сочетания, в которых определение и определяемое связаны только посредством примыкания. «Имена существительные — это слова, которые в словосочетаниях и предложениях могут выступать в функции определения других имен, если они соответствующим образом оформлены по второму или третьему типу изафета, в лексико-семантическом отношении — это слова главным образом не вещественного характера, т. е. отвлеченного и, как говорят монголисты, процессного значения („союз“, „соединение“, „партия“, „мысль“ и т. д.)»². Соответствующее оформление получают имена существительные, по утверждению Г. Д. Санжеева, в родительном и совместном падежах. Однако обнаруживается непоследовательность и в этом отношении. Утверждая, что «именами существительными... надо безоговорочно признать только такие слова, которые исключают возможность применения первого типа изафета...»³, Г. Д. Санжеев тут же констатирует факты употребления имен существительных в качестве определения других имен и без морфологического изменения. Так, он пишет: «Обычные имена существительные в позиции определения других имен выступают и в форме своей основы, т. е. подобно предметным именам без всякого морфологического оформления, например: бур. *монгол хэлэн* „монгольский язык“, орд *хубсахан* „русская одежда“...»⁴.

Подобные «отклонения» от нормы возникают у Г. Д. Санжеева, разумеется, не потому, что такова специфика имен существительных в монгольских и алтайских языках, а только потому, что Г. Д. Санжеев, считая необходимым выделение четырех именных частей речи вместо двух, незаметно для себя суживает лексико-грамматическое значение как имен существительных, так и прилагательных. В этом он некритически следует В. А. Аврорину, который писал: «Если одно и то же слово становится в различных синтаксических функциях чем-то напоминающим то прилагательное, то наречие, то существительное, это свидетельствует о том, что в действительности оно не является ни тем, ни другим, ни третьим, а чем-то совершенно особым, представителем самостоятельной лексико-грамматической категории...»⁵.

Из приведенной цитаты вполне явствует, что В. А. Аврорин идет от синтаксиса к частям речи и что у него критерием определения частей речи является синтаксическая функция слова, которое в различных позициях в предложении, по его мнению, «напоминает» то одну, то другую часть речи. Это, конечно, неверно. Ведь известно, что некоторые части речи

¹ Е. М. Галкина-Федорук, Слово и понятие в свете учения классиков марксизма-ленинизма, в кн.: «Доклады и сообщения, прочит. на науч. конфер. по языкознанию [МГУ], июнь 1951 года», [М.], 1952, стр. 187.

² Г. Д. Санжеев, К проблеме частей речи в алтайских языках, стр. 87.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 89.

⁵ В. А. Аврорин, Очерки по синтаксису навайского языка, 1 — Прямое дополнение, Л., 1948, стр. 37.

например существительные, могут выступать в функции любого члена предложения, отчего они, однако, не перестают быть существительными или не становятся разными частями речи. Не следует забывать, что именно путем грамматической абстракции различные слова, обозначающие предметы, явления, признаки и свойства, могут реализоваться в различных частях речи, выработав себе особые грамматические признаки. «Проявление свойства, цвета язык путем грамматической абстракции может отлить в разные категории: например, *белый* — качество в форме прилагательного; *белая* — то же качество, но уже в форме существительного; *белить* — проявление качества во времени в форме глагола; *бело* — то же качество, но как признак процесса; *выбеленный* — качество цвета, проявившееся во времени и ставшее признаком предмета — в форме причастия; *белея* — проявление того же качества цвета, но как сопровождающий другой процесс или состояние — в форме деепричастия»¹.

В определении имен существительных следует исходить не из одного только синтаксического признака, что приводит, как уже видно, к одностороннему и, следовательно, ошибочному выводу, а из совокупности ряда признаков. В категорию имен существительных должны входить слова, обозначающие как реально осязаемые предметы, так и определенные, отвлеченные понятия. Выражая предметность в широком смысле слова с обобщенным значением предмета и отвлеченного понятия, имена существительные в монгольских языках обладают целым рядом признаков, а именно:

1. Изменяемость по падежам (развитая система склонения).
2. Наличием особых формантов множественного числа, присоединяемых к основе: *-ууд*, *-д*, *-нууд*, *-д*, *-нар*, *-над* и др., например: *булаг* «источник» — *булагууд* «источники», *хада* «гора (скала)» — *хаданууд* «горы (скалы)», *хонин* «овца» — *хонид* «овцы» и т. п.
3. Именам существительным присуще, кроме обычного склонения, двойное склонение: *аха* «старший брат», *ахын* «старшего брата» (родительный падеж), *ахында* «у старшего брата» (родительный + дательный падеж) и т. п.
4. Имена существительные бывают коренными и производными. Последние образуются от глагольных и именных основ специальными, им присущими суффиксами: *уур* — *уналуур* «водопой» от глагола *уналха* «пить»; *-бэри* — *неэбэри* «ключ» от глагола *неэхэ* «открывать»; *-дал* — *һуудал* «сидение» от глагола *һууха* «сидеть» и т. д.²
5. Имена существительные в предложении могут быть любым членом: подлежащим, сказуемым, определением, дополнением, обстоятельством; например: *удэр ута болоо* «день стал длинным» (*удэр* — подлежащее); *энэ удэр найн удэр* «этот день — хороший день» (*удэр* — сказуемое); *удэрэй ажал* «дневная работа» (*удэр* — определение); *энэ удэрые найшаанаб* «этот день считаю хорошим» (*удэр* — дополнение); *би Улан-Удэ удэрөөр ошоод ерээб* «я в Улан-Уде съездил за день» (*удэр* — обстоятельство).

Таким образом, при классификации имен существительных мы исходим из ряда основных, ведущих признаков, совокупность которых позволяет выделить имена существительные в особую часть речи. А между тем Г. Д. Санжеев, по не понятным нам причинам, классифицирует именные части речи только по синтаксическому признаку, что, разумеется, не дает правильного и удовлетворительного решения вопроса.

¹ Е. М. Галкина-Федорук, Слово и понятие в свете учения классиков марксизма-ленинизма, стр. 187.

² Суффиксов словообразования имен существительных в монгольских языках много

ВОПРОС О КАЧЕСТВЕННЫХ ИМЕНАХ И ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ

Качественные имена

Суждения о качественных именах у Г. Д. Санжеева страдают той же непоследовательностью. «Качественные имена в алтайских языках, — пишет он, — это особая категория таких имен, которые обозначают и р и з а н а к п р е д м е т а , т а к и д е й с т в и я (разрядка моя. — Д. А.)¹». Такое необоснованное расширенное понимание этой «части речи», как и следует ожидать, привело к тому, что Г. Д. Санжеев вынужден признать за качественными именами якобы «специфические особенности», выражающиеся в том, что так называемые «качественные имена» зависят всецело от их функции в предложении. Так, если они не выступают в качестве определения имени или глагола, то «соответствуют» отвлеченным именам существительным «качества», чаще всего производным от качественных прилагательных. Будучи же определением других имен или сказуемым, «соответствуют» качественным прилагательным, например: монг. *хурдан морь* «быстрый конь», *энэ морь хурдан болов* «этот конь стал быстрым»². Но, выступая в функции определения перед глаголом, эти имена соответствуют якобы качественным наречиям; например, монг. *хурдан явна* «быстро идет».

Ту же мысль Г. Д. Санжеев высказал в докладе на тему «Грамматический строй бурят-монгольского языка», где он в числе основных именных частей речи отмечал «качественные (имена. — Д. А.)...обозначающие признак как предмета, так и действия, а равно признак же, взятый в абстракции от субстанции: *хурдан морин* „быстрый конь“; *хурдан явана* „быстро идет“». Наличие этих качественных имен, — писал он, — не означает того, что в бурят-монгольском языке отсутствуют имена существительные абстрагированного качества или наречия образа действия; эти имена в школьных грамматиках можно выделить в особую группу, оставляя в рамках имен прилагательных вообще»³. Спрашивается, какая же причина заставляет Г. Д. Санжеева утверждать, что качественное имя выражает и качество предмета, и качество действия? Причина одна. Это то, что так называемое качественное имя может определять глагол в той же неизменной форме, в какой оно определяет имя. Но это вовсе не значит, что «качественные имена» («прилагательные», по нашей терминологии) выступают с семантикой наречия. Можно было бы согласиться с Г. Д. Санжеевым, если бы «качественные имена» совсем не отличались от наречий и формально, и функционально. Известно, что и «качественные имена», и наречия исторически восходят к одной части речи — к имени вообще. Но в современном состоянии развития частей речи прилагательные и наречия являются самостоятельными частями речи. Спор может идти только в отношении наречий образа действия, которые слабо дифференцированы с прилагательными. Заметим, что это относится только к наречиям образа действия именного, а не глагольного происхождения.

Указания на дифференцированность этих частей речи находим в литературе и по другим языкам. Например, тюркологи говорят о необходи-

¹ Г. Д. Санжеев, К проблеме частей речи в алтайских языках, стр. 94.

² В этих двух примерах слово *хурдан*, являясь качественным именем, соответствует качественным прилагательным, т. е. становится прилагательным в обоих случаях. Какой же в таком случае критерий разграничения качественных имен от прилагательных, если слово *хурдан* «быстрый» может быть и качественным именем, и прилагательным, не претерпевая никаких морфологических изменений.

³ Г. Д. Санжеев, Грамматический строй бурят-монгольского языка, в кн. «Конференция по основным вопросам бурят-монгольского языка (26—31 января 1953 года). Тезисы докладов», Улан-Удэ, 1953, стр. 5.

мости «...рассматривать имена прилагательные и наречия не только как грамматические категории имен вообще, но как совершенно самостоятельные части речи, обладающие характерными для каждой из них формальными признаками»¹. О дифференциации этих частей речи пишет и тюрколог Э. В. Севортян: «Все больше отделяются от прилагательных и наречия, приобретаая свои формальные признаки... совпадение в одном слове значений существительного, прилагательного и наречия составляет более старое состояние тюркских языков»².

То же самое наблюдаем в отношении прилагательных и наречий в монгольских языках. Г. Д. Санжеев видит, нам кажется, только одну сторону, а именно — формальное, внешнее совпадение так называемых качественных имен с наречиями и не обращает внимания на то, что внутри «качественных имен» произошло и происходит значительное качественное изменение в сторону большей дифференциации прилагательного и наречия.

Следует обратить особое внимание на то, что все «качественные имена» (*хурдан* «быстрый», *хайн* «хороший», *муу* «плохой» и т. п.), определяющие в форме основы как имя, так и глагол, приобретают уже свои формальные показатели наречия в виде суффиксов орудного падежа *-гаар*, *-оор*, *-ээр*. Происходит процесс постепенной дифференциации «качественных имен» и наречий, в результате которого употребление «качественных имен» в форме основы в функции обстоятельства постепенно вытесняется формой орудного падежа и отходит на задний план. Доказательством этого служит тот факт, что ныне употребляемые в одном значении слова *хурдан* и *хурдаар*, *тургэн* и *тургээр* и т. п. начинают закреплять за собою дифференцированные значения. Так, за формой *хурдаар*, *тургээр* закрепилось значение наречия, и она употребляется только в качестве обстоятельства, в то время как за словами *хурдан* и *тургэн* закрепляется значение качества или признака предмета, т. е. значение прилагательного. Заметим, что ныне безличное употребление целого ряда «качественных имен» перед глаголами приводит уже к двоякому пониманию, например *хурдан ерэбэ*, *муу нууна* и т. п. могут восприниматься двояко: «быстро идет» или «быстрый идет», «плохо живет» (буквально: «сидит») или «пьяхой сидит (о человеке)». Они начинают различаться вполне только при наличии подлежащего: *тэрэ хурдан ерэбэ* «тот быстрый идет».

Убедительные примеры происшедшей дифференциации имен прилагательных и наречий дают следующие факты. Огромная масса «качественных имен» в монгольских языках уже перестала выражать признак действия в форме основы. Например, такие «качественные имена», как *хайхан* «красивый», *тэнэг* «глухой», *сэсэн* «умный», *уулгар* «вспыльчивый», *саландай* «небрежный, неаккуратный» и т. п., не могут употребляться перед глаголами, не изменяя своей формы. Нельзя сказать *хайхан дуулана*, *тэнэг хэлэбэ*, *сэсэн хэлэбэ*, *уулгар аягалба*, *саландай хэбэ* в значении «хорошо поет», «глупо говорит», «умно говорит», «вел себя вспыльчиво», «небрежно сделал» и т. д.

Все приведенные слова в указанном значении должны употребляться только в форме орудного падежа: *хайхаар* «красиво», *тэнэгээр* «глупо», *сэсээр* «умно», *уулгараар* «вспыльчиво», *саландайгаар* «небрежно». Более того, если «качественные имена» выступают перед глаголами в форме основы, то они могут восприниматься как субстантивированные имена

¹ Н. А. Баскаков, указ. соч., стр. 204.

² Э. В. Севортян, [Рец. на сб.:] «Вопросы изучения языков народов Средней Азии и Казахстана в свете учения И. В. Сталина о языке». ВЯ, 1953, № 6, стр. 142.

прилагательные, например: *хайхан дуулана* «красивый (красивая) поет», *танэг гэлэбэ* «глупый (глупец) сказал» и т. п.

Вместе с тем совершенно исключается употребление формы орудного падежа при именах, например нельзя сказать: *хурдаар морин, тургээр гүйдэл, хайнаар хун* в значении «быстрая лошадь», «быстрый ход», «хороший человек». Впрочем также не следует пренебрегать и таким, казалось бы, незаметным признаком, как постановка вопросов. Когда слова *хурдан, хайн* выступают определениями имен, то требуют вопроса *ямар «какой?»*, а когда они же определяют глагол, то требуют вопроса — *ямараар «как, каким образом?»*.

Г. Д. Санжеев отмечает в качестве еще одной отличительной особенности явление субстантивации, как бы наиболее присущее качественным именам. Но это явление свойственно и некоторым другим частям речи, в частности и прилагательным. Г. Д. Санжеев утверждает, что «качественные имена, подвергшись субстантивации и переходя тем самым в разряд существительных, обозначают уже не какие-либо качества, а предметы, обладающие данными качествами. Например, бур. *манай хайхан нааданда гараа* «наша красавица ушла на игрище» (конечно, не «наша красота ушла на игрище!»)¹. При субстантивации, как правильно замечает Г. Д. Санжеев, слово, став существительным, может обозначать предметы, обладающие данными качествами. При этом, однако, всегда следует подчеркивать, что субстантивация в таких случаях достигается путем отрыва определения от определяемого. Данный пример Г. Д. Санжеева непонятен потому, что слово *хайхан* без его определяемого, которое должно быть упомянуто в предыдущем предложении, не даст представления о субстантивации, наоборот, этот пример можно перевести, как: «(кто-то) отправился на наше красивое игрище». Другое дело, если бы Г. Д. Санжеев писал: *Манай хайхан басаган. Тэрэ манай хайхан нааданда гараа* «Наша красивая девица. Та наша красавица пошла на игрище». Только в этом случае субстантивация становится ясной.

Думается, что нет никакой надобности выделять так называемые качественные имена в отдельную часть речи, поскольку они совпадают по многим свойствам и признакам с прилагательными и поскольку они, как мы уже видели, не только не совпадают с наречиями, но и отчетливо обособились от них.

Имена прилагательные

Как известно, Г. Д. Санжеев, наряду с качественными именами, признает имена прилагательные как отдельную часть речи со своими отличительными особенностями, к числу которых он относит следующие: 1) имена прилагательные в функции определения не могут иметь своих собственных определений; 2) имена прилагательные образуются посредством суффиксов от других именных основ, а потому являются только производными именами; 3) имена прилагательные в монгольских языках имеют весьма суженное значение по сравнению с прилагательными в русском языке и т. п.

Однако Г. Д. Санжеев и в отношении этой части речи также допускает оговорки, утверждая, что некоторые прилагательные в известных сочетаниях совпадают то с предметными, то с качественными именами. Так, качественные прилагательные, употребляясь субстантивно, совпадают с предметными именами. Изменяясь по степеням сравнения, они уподобляются качественным именам. Точка зрения Г. Д. Санжеева объясняется тем, что он придает прилагательным суженное значение. Несомненно,

¹ Г. Д. Санжеев, К проблеме частей речи в алтайских языках, стр. 95.

конечно, и утверждение о том, что прилагательные в алтайских языках не могут иметь при себе собственных определений. Едва ли можно согласиться с мнением Г. Д. Санжеева о том, что невозможно образование прилагательных посредством суффикса совместного падежа *-тай*.

Нам кажется, что нельзя отрицать факт образования имен прилагательных посредством суффикса *-тай*. Г. Д. Санжеев неправильно считает, что *унэтэй* «ценный», *уйтгартай* «скучный» и т. п. — существительные, перешедшие в разряд прилагательных. Суффикс *-тай* придает именам значение признака, качества и тем самым образует прилагательные; при этом необходимо учитывать и лексическое значение слова. Когда мы говорим *сахантай убэл болоо* «стала снежная зима», мы представляем именно «снежную зиму». Сочетание *улэтэй ногоон* имеет значение «питательная трава» в том смысле, что эта трава более питательна по сравнению, скажем, с другим сортом. Необходимо отметить, что посредством суффикса *-тай* образуются также прилагательные от производных прилагательных; например, от прилагательных *муу* «плохой», *хара* «черный» и др. образуются *муутай хун* «плохой человек», *харатай хун* «зловредный человек».

Итак, мы должны без оговорок и примечаний определить имя прилагательное как часть речи, обозначающую качество, признак или свойство предмета, а не действия. В разряд прилагательных мы включаем так называемые качественные имена. Синтаксически прилагательные выступают главным образом определениями, не согласуясь с определяемыми в числе и падеже, за редким исключением, как, например: *утанууд модод* «высокие деревья». По значению прилагательные разделяются на качественные, относительные, притяжательные.

К а ч е с т в е н н ы е прилагательные выражают: а) качество, органически присущее данному предмету: *хара нюдэн* «черные глаза», *борошоно* «серый волк»; б) качество приобретенное: *муу (-тай) хун* «плохой человек», *шадмар хун* «умелый человек»; в) качество, выражаемое не непосредственно, а переносно: *хатуу хун* «скряга» (буквально: «твердый человек»), *хара нанан* «злополучная мысль» (буквально: «черная мысль»), *тумэр зурхэн* «железное сердце».

О т н о с и т е л ь н ы е прилагательные образуются посредством различных суффиксов, присоединяемых к именной или глагольной основе: *модорхуу газар* «лесистое место», *галуута нуур* «гусиное озеро» и т. п. К ним относятся также и те имена предметно-вещественные, которые переходят в разряд прилагательных в позиции определения, не изменяясь в своей основе: *арахан бээлэй* «кожаные рукавицы», *хальхин тээрэмэ* «ветряная мельница».

П р и т я ж а т е л ь н ы е прилагательные образуются при помощи суффикса родительного падежа имени, когда родительным падежом выражается качество, а не принадлежность: *ороохоной талхан* «ржаная мука», *загаһанай тоһон* «рыбий жир», *булагай уһан* «ключевая вода» и т. п.

Морфологическая структура прилагательных характеризуется серией специальных суффиксов. Ограничусь лишь указанием некоторых суффиксов прилагательных: *-тагай* — *аюмтагай* «боязливый»; *-лаг* / *-лиг* — *алтлаг* «золотистый», *даваслиг* «солончатый»; *-тар* — *айхтар* «чудовищный, опасный»; *-дугаар* — *арадугаар* «десятый»; *-д* — *дундад* «средний»; *-маг* — *дунмаг* «необеспеченный»; *-лхэг* — *дээрэлхэг* «гордый, высокомерный» и т. п.¹

¹ См. Д. А. Алексеев, Части речи в бурят-монгольском языке. (Имя прилагательное), «Записки бур.-монг. гос. науч.-исслед. ин-та языка, лит-ры и истории», V—VI, Бургаз, 1941. В этой статье даются более подробно суффиксы образования прилагательных в бурят-монгольском языке

Прилагательным присущи степени сравнения, выражающиеся: а) посредством суффиксов: *-шаг* (*-шог*, *-шэг*); б) аналитическими формами: *угаа*, *тон*; в) путем редупликации: *хаб хара* «совершенно черный», «пречерный».

В заключение необходимо хотя бы вкратце остановиться на том, что и в алтайских языках многие имена выступают в качестве определения в морфологически неизменном виде, т. е. в форме основы. В связи с этим возникает вопрос — может ли такое «неоформленное» имя называться прилагательным. Выше мы ответили на это положительно, считая, что сама постановка вопроса и порядок слов имеют грамматическое значение. Мы также отметили, что эти имена функционируют в качестве определения других имен и в суффиксально оформленном виде; ср.: *модон гэр* «деревянный дом» — *модорхуу газар* «лесистое место». Этот факт указывает на то, что имена прилагательные исторически возникли позже категории имен существительных. Ведь понятие признака или качества представляет собою продукт несомненно большей абстракции, нежели понятие о предмете. Генетическая связь имен прилагательных с именами существительными установлена на материалах истории целого ряда языков. Еще А. Потебня писал: «И теперь многие суффиксы безразлично образуют как существительные, так и прилагательные, а чем далее в старину, тем более здесь сходства между этими частями речи»¹. Правильно указано в статье Л. П. Якубинского, что «между существительным и прилагательным первоначально нет никакого грамматического различия: обе грамматические категории выделяются из общей категории имени, которое используется то как название предмета, то как название признака»².

На категории наречия мы не останавливаемся, считая, что наречия образа действия ни в коем случае не должны рассматриваться в разряде так называемых качественных имен, поскольку они отличаются от последних, как мы видели выше, и своими формальными признаками.

Итак, мы считаем, что в монгольских языках, как и в алтайских, существуют не четыре основные именные части речи (имя предметное, имя существительное, имя качественное, имя прилагательное), как считает Г. Д. Санжеев, а две: имя существительное и имя прилагательное. Следует признать нежелательным расхождение между научной грамматикой, где Г. Д. Санжеевым предлагается различать четыре части речи, и школьной, где речь идет только о двух именных частях речи. Понятно, что научная грамматика должна быть более глубокой по сравнению со школьной, но она не должна расходиться с последней в принципиальных вопросах, ибо мы не можем ученикам в школе говорить одно, а в научной грамматике писать другое — теория должна идти в ногу с практикой³.

¹ А. Потебня, Из записок по русской грамматике, I—II, 2-е изд., Харьков, 1888, стр. 85.

² Л. П. Якубинский, Из истории имени прилагательного, «Доклады и сообщения [Ин-та языкознания АН СССР]», I, 1952, стр. 53.

³ На состоявшейся в конце января 1953 года в г. Улан-Удэ конференции по основным вопросам бурят-монгольского языка теория Г. Д. Санжеева о четырех именных частях речи также не получила одобрения.